

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00013

УДК 811.163.1:003.349+94(367)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК LINGUA SACRA В ЦЕРКВИ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Мельков А.С.

В статье обстоятельно излагается история моравской миссии святых Кирилла и Мефодия и создания славянской азбуки, а также очерчены основные вехи становления славянской письменности в Болгарии, Польше, Чехии и на Руси. Автором выдвигается тезис о том, что созданный солунскими братьями священный язык с самого начала стал языком богослужения и проповеди, а также языком богословия, философии и агиографии. История распространения кирилло-мефодиевской традиции у западных, южных и восточных славян представлена автором на основе анализа древнейших житий святых братьев, а также болгарских, польских, чешских и древнерусских рукописных памятников и свидетельств средневековых хронистов. Отдельно рассмотрена история церковнославянского языка русского извода. Проанализирована языковая ситуация в Древней Руси с учетом рассмотрения проблемы соотношения древнерусского и церковнославянского языков. Подробно исследован вопрос развития и функционирования церковнославянского языка в Юго-Западной и Московской Руси, а также образования единого общерусского извода данного языка во второй половине XVII века.

Ключевые слова: церковнославянский язык, кирилло-мефодиевская традиция, священный язык, богослужение, двуязычие, культура, наследие, Моравия, Древняя Русь, Болгария, Польша, Чехия, Московская Русь, Юго-Западная Русь.

CHURCH SLAVONIC LANGUAGE AS LINGUA SACRA IN CHURCH AND CULTURE OF SLAVIC PEOPLES

Melkov A.S.

The paper comprehensively describes the history of saints Cyril and Methodius' Moravian mission and the creation of the Slavic alphabet, as well as outlines the main milestones of the Slavic written language formation in Bulgaria, Poland, Czech and Rus. The author puts forward the thesis that the sacred language created by the Solun brothers became the language of liturgy and homilies from the very beginning, as well as the language of theology, philosophy and hagiography. The history of the Cyril-Methodius tradition spreading among the Western, Southern and Eastern Slavs is presented by the author basing on the analysis of the ancient legends of the Holy brothers, as well as Bulgarian, Polish, Czech and Old Russian manuscripts and evidences of medieval chroniclers. The history of the Russian version of the Church Slavonic language is separately considered. The language situation in Ancient Rus is analysed with considering the point of correlation between the Old Russian and Church Slavonic languages. The problem of the Church Slavonic evolution and functioning in South-Western and Moscow Rus is studied in detail, as well as the formation of a common all-Russian version of this language in the second half of the 17th century.

Keywords: Church Slavonic language, Cyril-Methodius tradition, sacred language, liturgy, bilingualism, culture, heritage, Moravia, Ancient Rus, Bulgaria, Poland, Czech, Moscow Rus, South-Western Rus.

В середине IX века в религиозной и культурной жизни Европы произошли события, оказавшие важнейшее, определяющее значение на судьбы и историю славянских народов. Знаменитые солунские братья святые Православной и Католической Церквей Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий, осуществляя миссию христианской евангелизации и катехизации в Великоморавской державе, создали славянскую письменность, распространили

практику богослужения на родном для славян языке и дали толчок к развитию самобытной и цельной славянской культуры.

Изобретение новой письменности было подчинено решению величайшей богословской и культурной задачи, которую поставили перед собой святые Кирилл и Мефодий, заключавшейся в создании для славян не только книжного языка, но и одновременно языка литургии и молитвы. Так в результате переводов Священного Писания и христианских богослужебных книг с греческого языка был создан общеславянский литературный язык, который принято называть старославянским, а его национальные изводы – церковнославянским языком соответствующих редакций. Примечательно, что этот новый для Европы книжно-литературный язык возник, прежде всего, как язык священный. Из этого определения видно, что старославянский язык не был языком живого бытового общения, а был языком богослужения и проповеди, а также языком богословия, философии, агиографии. «Вместе с тем старославянский был последним литературным языком, создание которого сопровождалось изобретением специально для него предназначавшейся азбуки» [26, с. 5].

В культурной истории средневековой Европы деятельность солунских братьев можно назвать уникальной. Ведь со времени утверждения Христианской Церкви в Европе на протяжении целых столетий от создания знаменитой латинской Вульгаты святого Иеронима и вплоть до начала национальных движений XV-XVI вв. в трудах апостолов славян мы имеем единственный случай перевода Священного Писания и богослужебных текстов на родной язык верующих, не имевших до этого собственной письменности и книжно-литературной традиции. Учитывая, что деятельность равноапостольных братьев пришлась на последний период общеславянского языкового единства, результатами их плодотворных трудов тогда смогли воспользоваться с одинаковым успехом, как славяне южные, так и западные, и восточные, что подтверждает последующая история распространения славянской письменности и культуры. И этот величайший в истории Церкви и

науки подвиг, совершенный святыми Кириллом и Мефодием, был по достоинству оценен всей полнотой славянского мира.

Славянская миссия Кирилла и Мефодия распространилась на Великоморавскую державу – славянское государство, существовавшее в 822-907 годах на Среднем Дунае [см.: 9]. В период наибольшего могущества оно включало в себя территории современных Словакии, Чехии, Словении, Хорватии, Сербии и Венгрии, а также Малую Польшу, Силезию и часть Западной Украины. Именно эти земли, населенные славянами, были просвещены светом Христовой истины, благодаря деятельности святых апостолов славян. Получив повеление от Византийского императора Михаила III и благословение Константинопольского Патриарха Фотия на труды, летом 863 года славянские первоучители прибыли в столицу Моравии город Велеград. Правитель Моравии князь Ростислав встретил их с радостью и почетом. Вскоре Кирилл и Мефодий избрали и усердно обучали своих учеников славянской азбуке, богослужению, переводили с греческого привезенные книги [4, s. 287].

Такой успех солунских братьев вызвал негодование среди оставшегося не у дел немецкого духовенства, и оно стало чинить препятствия деятельности святых братьев, требуя запрета богослужения на славянском языке. Поскольку Моравия находилась в юрисдикции Рима, то Кирилл и Мефодий отправились искать защиты к своему непосредственному священноначалию.

В дар Папе Адриану II Кирилл и Мефодий преподнесли мощи святителя Климента Римского, которые в свое время обрели в Херсонесе, а затем привезли с собой в Моравию. Понтифик с большим почетом встретил солунских братьев, приняв под свою защиту богослужение на славянском языке. Видимым знаком этого благословения стало возложение Папой славянских богослужебных книг на святой Престол [22, с. 125]. Папа рукоположил Мефодия в священника, а его учеников – в пресвитеры и диаконы. В это же время слабым здоровьем Кирилл скончался, приняв перед

смертью схиму. По благословению Папы Кирилл был погребен в Риме в храме святителя Климента [12, с. 91-92].

После смерти Кирилла Папа Адриан II рукоположил Мефодия в сан архиепископа, сделав его своим легатом в Моравии и Паннонии [22, с. 140]. Вернувшись в Моравию, Мефодий с учениками развернул бурную деятельность по распространению славянского богослужения и письменности и переводам священных и богословских текстов. Эти славянские переводы с греческого оригинала отличает тщательная обработка и тонкое авторское филологическое чутье, одновременно свидетельствующее о глубоком знании богословской и литургической терминологии. Поистине, просветителями славян совместно с их учениками был проделан огромный труд, давший толчок и положивший начало интенсивному распространению богослужебного языка и книжной литературы среди славян.

Кончина святого Мефодия в 885 году, захват Моравии венграми в 905 году и возвращение в регион немецкого духовенства сделали продолжение успешной миссии среди славян на этих землях невозможным. Четверо из изгнанных из Моравии учеников святого Мефодия – Климент, Наум, Савва и Ангелларий поселились в Болгарии, где князь Борис (852-889) оказал им всемерную помощь и поддержку [22, с. 161]. А когда при царе Симеоне (893-927) Болгария достигла наивысшего политического могущества и культурного расцвета, дело святых апостолов славян продолжила целая плеяда выдающихся деятелей славянского просвещения. Это – Иоанн экзарх Болгарский, Климент Охридский, Наум Охридский, черноризец Храбр, Константин Преславский и Григорий Мних [14, с. 16]. Последователи солунских братьев сами много переводили, писали собственные труды и обучали славянскому письму учеников. Рукописные сборники, составленные болгарскими переводчиками, составили сокровищницу святоотеческой богословской мысли и в большом количестве распространились среди славянских народов. Первой такой книгой стал составленный в Преславле по указанию царя Симеона [15, с. 16-17] сборник, куда вошли труды двадцати христианских византийских писателей.

Новой эпохой в распространении церковнославянского языка стал конец XI века, когда после Крещения Руси в этой стране начал формироваться новый центр славянской письменности и культуры, впитавший в себя лучшие образцы кирилло-мефодиевской традиции.

Таким образом, можно выделить следующие этапы начала становления и развития церковнославянского языка: IX век – труды святых Кирилла и Мефодия и их учеников в Великой Моравии; X век – деятельность учеников солунских братьев в Болгарском царстве; XI век – распространение славянской письменности в Киевской Руси.

С тех пор церковнославянский язык стал орудием духовной культуры. Этот язык развивался и «по-разному видоизменялся в разных странах *Slavia Orthodoxa* (православного славянства), что вело к появлению местных изводов (или редакций) языка средневековой славянской книжности в Болгарии, Сербии и на Руси» [26, с. 5].

Можно утверждать, что изначально по замыслу святых Кирилла и Мефодия созданный ими церковнославянский язык должен был выступать как средство византинизации культуры славян. Это привело к трансплантации византийской культуры сначала в Великой Моравии, а потом на болгарскую, сербскую и русскую почву, в результате чего земли, населенные славянами, поэтапно становились частями византийского мира. Таким образом, церковнославянский язык стал общим литературным языком всего православного славянства, и была сформирована славянская версия византийской культурной традиции.

Следует заметить, что церковнославянским языком пользовались не только одни славяне. В X в. славянские диалекты могли в качестве *lingua franca* выступать языком межэтнического общения между неславянскими племенами. Так еврейский путешественник Ибрагим ибн Якуб около 965 г. сообщает, что славянским языком пользовались варяги [8, р. 261]. Русско-византийские договоры с греками 911 и 944 гг. (еще до Крещения Руси) были написаны на церковнославянском языке. На этом же языке, возможно, велись сами

переговоры [24, с. 45-46]. Церковнославянский язык использовали обратившиеся в Христианство варяги и, вероятно, хазары.

Признавая ведущую роль святых Кирилла и Мефодия и их учеников в деле утверждения Христианства и распространения письменности среди славян Моравии, Болгарии и Руси, будет несправедливым обойти западных славян. Говоря о распространении церковнославянского языка, у нас часто и несправедливо забывают о миссии равноапостольных братьев и их учеников среди чехов и поляков. Между тем на это указывает достаточно много разнообразных фактов.

Так в житии святого Мефодия, написанном в Моравии его учениками, говорится о том, что он склонял к крещению могущественного языческого князя на берегах Вислы [13, с. 99]. Очевидно, что это был князь вислян, преследовавший Христианство. Так же имеются свидетельства о славянской проповеди в Польше, которые находятся в послании немецких епископов Папе Иоанну IX в 900 г. и в каталоге краковских епископов XI века [3, с. 43-47]. По всей видимости, процесс евангелизации Малой Польши и Силезии был начат еще при жизни святого Мефодия во время его второго пребывания в Моравии, то есть в 873-885 годах. Это позволяет говорить о том, что, несмотря на господствующее мнение, начало славянской Литургии на польской земле было положено еще до официального акта христианизации польского государства [5, с. 229].

Таким образом, кирилло-мефодиевская традиция культивировалась в Малой Польше, начиная со второй половины IX века, когда эта территория входила в состав Великой Моравии, а потом находилась под властью чешской династии Пржемысловичей. Должна была существовать эта традиция и в государстве Пястов, поскольку Мешко I женился на дочери чешского короля Болеслава I и принял из Чехии христианскую веру в 966 году. Очевидно, что из Чехии вместе со славянским богослужением в Польше продолжала распространяться и славянская книжность [2, с. 300-305].

В послевоенной польской историографии сложилась концепция, согласно которой при Болеславе Храбром в Кракове помимо латинской митрополии существовала еще и митрополия славянского обряда. Есть гипотеза, что первоначально эта митрополия была организована учениками святого Мефодия, которые во главе со святым Гораздом Охридским, ставшим первым епископом Краковским, переехали в столицу висян после изгнания из Моравии [5, s. 229; 10].

Подтверждение этой концепции находим в старейшей польской хронике Гала Анонима начала XII века, где говорится, что во времена Болеслава Храброго в Польше было два митрополита, каждый со своим клиром: «*Suo tempore Polonia duos metropolitanos cum suis suffraganeis continebat*» [1, s. 30].

Еще одним доказательством того, что на польских землях существовала кирилло-мефодиевская традиция и богослужение на церковнославянском языке, служит польская христианская терминология, которая в конце первой половины XI в. формировалась на базе чешской редакции церковнославянского языка. Сюда же следует отнести и лингво-текстологические особенности знаменитой церковной песни «Богородица» (*Bogurodzica*), относящейся к X или XI вв., которая, наряду с тем, что написана в византийской гимнографической традиции, содержит характерные старославянизмы и чехизмы [17, с. 47].

Известно также, что славянское богослужение в Польше долго держалось в Тынецком монастыре недалеко от Кракова. А.И. Соболевский на основании фонетических данных предполагал, что именно там мог быть сделан церковнославянский перевод латинского литургического текста, сохранившегося в знаменитых Киевских глаголических листках [18, с. 107-109].

Также как и в Польше, в Чехии кирилло-мефодиевская традиция в богослужении и письменности не являлась кратковременным эпизодом. Более того, это наследие, как церковно-литературное, так и культурно-политическое, культивировалось в династии Пржемысловичей. Так в 1079 году король Вратислав просил у Папы Римского одобрения на употребление славянского богослужения [17, с. 35].

Кирилло-мефодиевская традиция в Чехии была очень значительной и это позволяет говорить об особом моравско-чешском типе церковнославянского языка. Об этом свидетельствуют тексты, сохранившиеся в древнерусских списках или переделках чешских и моравских литературных произведений.

А.И. Соболевский первым обратил внимание на некоторые древнерусские и южнославянские литературные памятники, лексический материал которых указывает на то, что они изначально были переведены с латинского языка на славянский в Моравии или Чехии. Это – «Беседы» Папы Григория Великого (Двоеслова), апокрифическое Никодимово Евангелие [19], значительное число житий, в том числе Георгия Победоносца, Папы Климента, святого Вита (которому был посвящен кафедральный собор в Праге) и др. [20, с. 66-78; 21].

Особого внимания заслуживают также и Пражские листки XI в., содержащие отрывки из вечерни по восточному обряду [7]. Очевидно, что этот старочешский памятник представляет собой западнославянский список с русского оригинала, выполненный монахами Сазавского монастыря, где богослужение на церковнославянском языке велось до 1096 года [6]. Примечательно, что основатель Сазавского монастыря преподобный Прокопий, вероятно, является автором кириллической части знаменитого Реймского Евангелия – церковнославянской пергаментной рукописи XI века [11, s. 12].

Все вышесказанное, позволяет говорить о том, что «наряду с церковнославянским богослужением, у западных славян существовала и более или менее представительная церковнославянская литература, включавшая, в частности, агиографические и церковно-канонические памятники, а также ряд переводов латинских богословских сочинений» [24, с. 68-69].

Все это подтверждает неоспоримый факт продолжительного существования у западных славян непрерывной кирилло-мефодиевской традиции, основанной на употреблении церковнославянского языка не только в Моравии и Паннонии, но и в соседних Чехии и Польше в X – XI веках.

Как видим, благодаря церковнославянскому языку возникла уникальная специфика славянской культурно-языковой ситуации. Созданный святыми

Кириллом и Мефодием, распространенный трудами их учеников церковнославянский язык в Среднем Подунавье, в Чехии, в Польше, в Болгарии, а затем в Сербии и в Киевской Руси воспринимался как родной язык зародившейся славянской книжности и культуры [26, с. 117].

Наиболее плодотворное и продолжительное развитие кирилло-мефодиевская традиция получила в Киевской Руси, где книжное учение, начавшееся еще при святом князе Владимире Крестителе, распространилось очень широко, выйдя за пределы чисто церковной среды и княжеской аристократии. Так бытовые письма на бересте указывают, что в XI в. школьное образование среди населения Новгорода было едва ли не всеобщим [27, с. 44-45]. Грамоте обучали даже женщин, по крайней мере, в киевской княжеской среде. Это подтверждает известный факт – подпись Анны Ярославны на французской грамоте 1063 г.

Учитывая все это, «мы имеем все основания рассматривать церковнославянский язык как русский литературный язык эпохи Средневековья. Действительно, этот язык, будучи заимствован извне, никогда не изучался как иностранный. Поэтому он с самого начала вступает в тесные отношения с разговорным языком восточных славян и достаточно скоро начинает восприниматься как кодифицированная разновидность этого языка. В результате адаптации церковнославянского языка на Руси возникает особый русский извод церковнославянского языка. Таким образом, осуществляется пересадка церковнославянского языка на русскую почву, и он пускает здесь глубокие корни» [24, с. 23].

Этот процесс развивался очень быстро, поэтому уже к середине XI в. на Руси «формирование местного извода церковнославянского языка, осуществлявшееся в плане адаптации книжно-письменной традиции к особенностям древнерусской речи, уже было близко к завершению» [26, с. 165]. Об этом свидетельствует обильное появление как переводных, так и собственно древнерусских литературных памятников. Кроме богослужебных текстов на Руси активно появлялась богословская литература: переводы с греческого

языка творений отцов Церкви, сборники житий святых, притчи, переводные исторические хроники.

Характерной чертой языковой ситуации в Древней Руси является так называемое двуязычие. Церковнославянский язык фактически стал первым литературным языком и языком письменной традиции, а древнерусский язык использовался, главным образом, в повседневном общении. Оба языка оказывали взаимное влияние друг на друга. «Русское влияние на церковнославянский язык проявляется в том, что отдельные языковые признаки усваивались церковнославянским языком русской редакции, т.е. входили в норму этого языка. Естественно, что влияние такого рода было ограниченным, поскольку ему противодействовал языковой консерватизм книжной нормы. Русская языковая стихия проходила, таким образом, через фильтр церковнославянской нормы, которая в одних случаях допускала проникновение русских элементов, а в других – противодействовала влиянию разговорного языка на книжный» [24, с. 80]. При этом церковнославянское влияние на русский язык ничем не ограничивалось, поскольку для русского языка в то время не существовало никакой кодифицированной нормы.

Наиболее значимыми памятниками древнерусской письменности следует считать: Новгородскую псалтирь 999 года, Остромирово Евангелие 1054 года, Изборники Святослава 1073 и 1076 годов, «Слово о Законе и благодати» середины XI века, Повесть временных лет начала XII века и др.

Древнерусское государство занимало обширную территорию, которую в XIII веке завоевала Золотая Орда. Затем западные русские земли постепенно стали частью Великого княжества Литовского, а восточные начали объединяться под властью Москвы. Так возникли два центра церковнославянского языка русского извода: восточный в Москве, и западный в Киеве. Произношение и грамматика церковнославянского языка в обоих этих центрах были одинаковы, но существенно различались стили оригинальных и переводных произведений, написанных западнорусскими и восточнорусскими авторами.

Различие в языковой ситуации Московской и Юго-Западной Руси обусловлено политическим и культурным размежеванием двух частей прежде единого государства. «В то время как в Московской Руси функционирует один литературный язык (церковнославянский язык великорусской редакции), в Юго-Западной Руси сосуществуют два литературных языка: наряду с церковнославянским языком (специальной югозападнорусской редакции) в этой функции выступает здесь так называемая "проста или руска мова"» [24, с. 388].

Основу «простой мовы» составлял деловой канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в Великом княжестве Литовском, а затем и в Речи Посполитой в качестве языка судопроизводства. Этот язык, постепенно утратил функции делового языка и стал языком литературным, подвергшись нормированию на уровне орфографии и морфологии. Так параллельно с церковнославянским языком возник литературный язык нового типа, который был органически связан с живой речью и поэтому подвергался постоянной эволюции. Таким образом, в Юго-Западной Руси возникло характерное терминологическое противопоставление церковнославянского языка «простой мове».

«Церковнославянско-русское двуязычие в Юго-Западной Руси калькирует латинско-польское двуязычие в Польше; функциональным эквивалентом латыни выступает здесь церковнославянский язык, а функциональным эквивалентом польского литературного языка – "проста мова". По мере становления польского литературного языка латинский и польский языки употребляются параллельно, причем постепенно польский язык вытесняет латынь. В точности то же самое мы наблюдаем в Юго-Западной Руси, где "проста мова" постепенно вытесняет церковнославянский язык, оставляя за ним лишь функции культового языка» [24, с. 392].

После Брестской унии 1595 года, существенно ухудшившей положение православного населения Речи Посполитой, несмотря на вытеснение церковнославянского языка из сферы общественной жизни, существенно

возрастает его значение в деле борьбы за православную идентичность. В это время в связи с угрозой потери национального самосознания для населения Юго-Западной Руси церковнославянский язык становится знаменем борьбы за Православие и русскую духовную культуру.

Ключевую роль в начале этого движения сыграла деятельность православного князя, воеводы киевского Константина Острожского, основавшего знаменитое Острожское училище, в типографии которого Иваном Федоровым в 1581 году было отпечатано первое полное издание Библии на церковнославянском языке. Острожская Библия сыграла выдающуюся роль в сохранении церковнославянского языка в качестве основного языка книжной культуры не только Юго-Западной, но и Московской Руси. Именно на основе Острожской Библии в 1751 г. в России была издана Елизаветинская Библия, а позже печатались и современные издания Священного Писания на церковнославянском языке [16, с. 147-148].

На рубеже XVI – XVII веков сначала во Львове и Вильне, а потом по всей Юго-Западной Руси создаются многочисленные православные братства [25, с. 40-42], которые занимались распространением церковного образования и подготовкой учителей для православных училищ. В этих братских школах церковнославянский язык сознательно использовался как способ устной коммуникации фактически на тех же правах, что и латынь в польских католических школах.

Начиная с 90-х годов XVI века, появляются братские типографии во Львове, Вильне, Киеве, Остроге, Луцке, Могилеве. Там активно издают полемическую антиуниатскую и учебно-образовательную литературу на церковнославянском языке, в первую очередь грамматики и словари богослужебного славянского языка. Среди них следует назвать львовский «Букварь» Ивана Феодорова 1584 года, греко-славянскую грамматику «Адельфотис», изданную Львовским братством в 1591 г., «Граматику» Лаврентия Зизания 1596 г., знаменитую «Граматику» Мелетия Смотрицкого 1619 г.

Таким образом, к началу XVII века русская церковнославянская традиция продолжала параллельно существовать в двух центрах – в Москве и в Киеве. Но спустя полвека, когда Украина вошла в состав Русского государства языковая ситуация Юго-Западной Руси была перенесена на великорусскую почву. «И этот перенос коренным образом меняет все аспекты функционирования литературного языка: расширяется употребление церковнославянского языка, появляются новые варианты литературного языка, основанные на разговорной речи, изменяется характер взаимодействия книжного и некнижного языка» [24, с. 478].

Этот процесс протекал не безболезненно. Начатое киевскими богословами исправление московских богослужебных книг по львовским и киевским образцам вызвало возмущение и отторжение среди многих ревнителей старины. Но все же тогда «киевская традиция церковнославянского языка одолела московскую, вытеснила ее в старообрядческое подполье, а сама воцарилась в Москве, сделавшись отныне общерусской. Разумеется, эта киевская традиция сама претерпела кое-какие изменения, применившись к новым обстоятельствам и впитав в себя некоторые черты традиции московской» [23, с. 131].

Так особенности извода церковнославянского языка Юго-Западной Руси были перенесены в великорусский извод, что привело к образованию единого общерусского извода данного языка. Этот процесс был закреплен никоновской и послениконовской книжной справой.

Образовавшийся общерусский церковнославянский язык не только соединил в себе киевскую и московскую традиции, но и вобрал в себя традицию южнославянскую, прекратившую свое самостоятельное существование в связи с османским завоеванием и утратой независимости Болгарией и Сербией. Так церковнославянский язык русского извода, начиная с XVII века «оказался единственным носителем староцерковнославянского преемства и сделался языком всех православных славянских Церквей; с этого времени и южные славяне пользуются в православном богослужении книгами

русской редакции со всеми чертами русского произношения» [23, с. 132], а Русское государство стало главным хранителем церковнославянской книжно-культурной традиции.

Размышления о церковнославянском языке в контексте современности приводят к мысли об исключительной важности этого языка в истории, культуре и религиозной жизни славянских народов. В наши дни церковнославянский язык из глубины веков продолжает нести в себе сакральное начало, выступая в качестве словесной иконы. Этот священный язык Церкви, восходящий к живой кирилло-мефодиевской традиции, содержит в себе таинственный смысл и божественную красоту, являясь общим достоянием и сокровищем славянских народов. Продолжение научного исследования церковнославянского языка является важнейшей задачей современного поколения ученых славистов.

Список литературы:

1. Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum // Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Cracoviae, 1952. Т. II. CXIV, 198 s.
2. Havránek B. Otázka existence cirkevní slovanstiny v Polsku // Slavia. Roč. XXV. N 2. Praha, 1956. S. 300-305.
3. Lehr-Spławiński T. Czy są ślady istnienia liturgii cyrylometodejskiej w dawnej Polsce? // Od piętnastu wieków: Szkice z pradziejów i dziejów kultury polskiej. Warszawa, 1961. S. 43-47.
4. Měřínský Z. České země od příchodu Slovanů po Velkou Moravu II. Praha: Libri, 2006. 968 s.
5. Mironowicz A. Misja metodiańska na ziemiach polskich do końca XI wieku // Elpis. 2002. N 4/6. S. 219-252.
6. Oldřich K. Sázavské písemnictví 11. Století / Rozpravy Československé akademie věd. Řada společenských věd. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1961. Roč. 71. Seš. 12. 93 s.

7. Pražské zlomky // O původu Kijevských listů a Pražských zlomků: a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec / Sepsal Václav Vondrák. Praha: Nakladatelstvem Jubilejního fondu královské České společnosti nauk, 1904. S. 48-90.

8. Soloviev A.V. L'organisation de l'État russe au X siècle // L'Europe aux IX-XI siècles. Aux origins des États nationaux / Ed. A. Gieysztor, T. Manteuffel. Warsaw, 1968. P. 249-268.

9. Třeštík D. Vznik Velké Moravy: Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791-871. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. 384 s.

10. Umiński J. Obrządek Słowiański w Polsce w IX-XI w. i zagadnienie drugiej metropolii w czasach Bolesława Chrobrego // Roczniki Humanistyczne. R. IV. Z. 4. Lublin, 1953. S. 1-44.

11. Vašica J. Kulturní odkaz Sázavského kláštera // Sázava: slovanský klášter sv. Prokopa. Vydavatelství národního podniku. Čedok, 1953. 32 s.

12. Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1981. С. 70-92.

13. Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1981. С. 93-101.

14. Камчатнов А.М. Старославянский язык: Курс лекций. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002. 152 с.

15. Куев К. Съдбата на старобългарските ръкописи през векове. София: Наука и изкуство, 1979. 223 с.

16. Мельков А. Русская археография в XIX веке. Учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 236 с.

17. Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XIV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1963. Т. XIX. С. 28-106.

18. Соболевский А.И. К хронологии древнейших церковно-славянских памятников // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. С. 92-116.

19. Соболевский А.И. Словарный материал двух древних памятников чешского происхождения // *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. 48-91 с.
20. Соболевский А.И. Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. // *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности*. 1905. Т. 10. С. 66-78.
21. Соболевский А.И. Церковнославянские тексты моравского происхождения // *Русский филологический вестник*. 1900. Т. 43. № 1-2. С. 150-179.
22. Тахиаос А-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2005. 392 с.
23. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // *Вопросы языкознания*. 1990. № 2. С.122-139.
24. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
25. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: б. и., 1937. 599 с.
26. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М.: Изд-во МГУ, 1994. 181 с.
27. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М.: Изд-во МГУ, 1965. 192 с.

Сведения об авторе:

Мельков Андрей Сергеевич – доктор теологических наук, кандидат филологических наук, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор, Президент Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Melkov Andrey Sergeevich – Doctor of Theological Sciences, Candidate of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural

History, Professor, President of the Institute of Modern Humanitarian Researches
(Moscow, Russia).

E-mail: president@isgi.ru.